

СОЦИОЛОГИЯ И МИРОВОЗЗРЕНИЕ

Дискуссии, развернувшиеся в настоящее время по различным социально-гуманитарным проблемам, продолжают расширяться. При этом все чаще актуальные вопросы ставятся в междисциплинарном, прикладном аспектах, а, казалось бы, отвлеченные мировоззренческие проблемы оказываются напрямую связанными с актуальной социальной реальностью, имеют международное звучание. Сегодня на вопросы доктора философских наук, главного редактора журнала «Социологические исследования» А.В. Дмитриева отвечает известный философ-марксист из США Г.Л. Парсонс.

Говард Л. Парсонс получил научные степени (бакалавр искусств и доктор философии) в Чикагском университете, основные исследования — в области мировоззрения и философии религии. Работал в университете Южной Калифорнии, в университетах Иллинойса, Теннесси, Коу Колледже, Государственном университете Айдахо, Виктория Колледже (Канада), Педагогическом Колледже Колумбийского университета, университете Бриджпорта, в МГУ (1980, 1990). В настоящее время — почетный профессор в отставке университета Бриджпорта, штата Коннектикут, США.

Его основные работы — «Man East and West» («Человек восточный и западный»), «Humanism and Marx's thought» («Гуманизм и теория Маркса»). На русском языке в издательстве «Прогресс» вышли книги «Человек в современном обществе»; «Marxism, Christianity and human values» («Марксизм, христианство и человеческие ценности»; «Man today» («Человек сегодня»), «Self, Global issues and ethics» («Я, глобальные вопросы и этика»); «Christianity today in the USSR» («Христианство сегодня в СССР»); «Buddhism as humanism» («Буддизм как гуманизм»).

В сфере научных интересов Г.Л. Парсонса исследования проблем гуманизма — личности, общества, ценностей насущных социальных проблем нашего времени, таких, как мирное сосуществование, бедность, справедливость и экология. Одна из его последних работ посвящена теоретическому и практическому взаимоотношениям христианства и марксизма.

В течение многих лет он был активным участником деятельности гражданских и религиозных групп, борющихся за мир и дружбу; сотрудником Президиума национального совета американско-советского общества дружбы и Всемирного Совета Мира. Несколько раз посещал Советский Союз: в качестве первого президента, а затем вице-президента Общества философского изучения марксизма в США, основанного в 1962 г., способствовал развитию взаимобмена и сотрудничества между учеными США и Советского Союза, а также учеными из других стран Восточной Европы.

А.В. Дмитриев: Уважаемый коллега, советским обществоведам Вы известны как один из видных американских исследователей и сторонников марксизма. Скажите, пожалуйста, что определило Ваш интерес к этому феномену? Каково Ваше жизненное кредо? Какие препятствия, проблемы и успехи были в Вашей жизни?

Г.Л. Парсонс: Я думаю, что люди суть био-социо-историко-экономические существа;

что они в своей основе добры и от природы склонны творить добро; что добро проявляется, когда социальная и природная среда благоприятствуют этому; что оно реализуется в творческом, конструктивном и обоюдном взаимодействии людей; что добро как ценность — это процесс осуществления человеческих потребностей и сил; что среди наших ценностей основными являются: мир, отсутствие насилия и угрозы смерти человеку и его среде; наличие продовольствия и других предметов первой необходимости для телесного здоровья; знание, свобода, неприкосновенность, красота и творчество; творческое взаимодействие людей на основе любви, дружбы и солидарности; участие граждан в контроле над социальной и природной окружающей средой; принадлежность к социальным движениям, формирующим универсальные ценности и человеческую историю; социальная справедливость; экологическая взаимозависимость.

Я верю, что человеческая история — это борьба людей за то, чтобы жить и жить хорошо; что история — это неровное, но непрерывное социальное развитие.

Мир материи и энергии, в котором мы обитаем, не является полностью делом случая, беспорядочным и бессмысленным. Точно также он не предопределен полностью ни сверхъестественными, ни естественными силами, которые выше нашего понимания и контроля. Он не является также некоей гармонией, свободной от конфликтов, антагонизмов и разрушения. Эти процессы структурированы и поддаются пониманию, наблюдению.

Огромная проблема состоит в том, что большая часть человечества страдает от бедности, от невежества. Прожив жизнь, люди часто так и не реализовывают себя, потому что социальные системы и природная среда отрешают их от самых насущных ценностей, эксплуатируют, разрушают их потенциал. Выход состоит в самопознании и самоорганизации. Для этого надо понять условия лишений и их причины и наладить систему так, чтобы производилось достаточное количество товаров и услуг. Распределение материальных продуктов социального богатства так же, как и участие в демократическом принятии решений и культурном развитии, должно быть справедливым и соответствовать индивидуальным потребностям и вкладу людей.

В США люди боролись против репрессий эры Маккарти в 1950-е годы, в течение всего послевоенного периода — за гражданские свободы для коммунистов и прочих левых и либералов, за дружбу и мир между США и СССР, против участия США в войне в Корее, за права американцев африканского происхождения, против политики США по отношению к Китаю и Кубе, против агрессии США во Вьетнаме. В результате были наказаны государством и другими институтами за участие в акциях сторонников мира и в акциях протеста — прослушивались телефонные разговоры, фабриковались судебные процессы; людей заключали в тюрьмы, лишали работы, заносили в «черные списки», им сокращали заработную плату, препятствовали продвижению по службе, подвергали остракизму со стороны окружающих, клеветали на них и т.п. Что же касается меня, то в этот период, в отличие от многих других, я не был безработным. Но официальные власти и руководство нескольких университетов, где я работал, находили мою политическую работу вредной и мешали моему продвижению по службе, снижали зарплату, а в одном институте просто отказались от моих услуг.

Я верю, что дело мира и справедливости, для которого мы работали, было вполне правильным, невзирая ни на что. И борьба продолжается.

А.В. Дмитриев: Наблюдаете ли Вы какие-нибудь подтверждения Вашего кредо в жизни? Г.Л. Парсонс: Я думаю, что исторический процесс движется в том общем направлении, о котором я уже говорил. Следует познать и устранять такие препятствия, как бедность, милитаризм, жестокость и насилие, невежество, безработицу, апатию, отчуждение и другие социальные несправедливости классовых систем — расизм, неоколониализм, неонацизм, притеснение народов национальных меньшинств и женщин, а также авторитарные и антидемократические режимы. Я верю - поскольку я был свидетелем этому всю свою жизнь, - что в XX столетии одной из самых могущественных социальных сил в понимании и устранении препятствий для самоосуществления людей на пути к созданию справедливого общества была теория, созданная Марксом и Энгельсом, разработанная, уточненная и проверенная практикой миллионов. С ее помощью достигнута государственная власть более чем в дюжине стран; преодолен массовый голод, бедность и деградация среди одной трети населения мира,

уничтожено огромное неравенство в благосостоянии, доходах, экономической власти, доступе к необходимым товарам и услугам, а также в возможностях воспитания детей, грамотности, образовании, профессиональном обучении, занятости, культурном развитии и защите престарелых. Продемонстрирована система неограниченной эксплуатации наемного труда рабочих. Эта теория стала решающим фактором в победе СССР над фашизмом, самой демонической в истории угрозой. Сделаны важные шаги в преодолении давних форм неравенства — освобождение колониальных народов, национальных меньшинств, рас и женщин. Марксизм воодушевил и глубоко повлиял на национально-освободительные движения во многих слаборазвитых странах и вызвал одобрение и поддержку миллионов рабочих и интеллигентов в развитых капиталистических странах. Силой своего вызова, бросаемого буржуазии, своей привлекательностью для рабочих и целесообразностью в хозяйстве марксизм повлиял на развитие многих капиталистических экономик, демократизировав их социальные системы и улучшив распределение благ, укрепление роли профсоюзов, повышение заработной платы, улучшение условий труда, социальное обеспечение и т.п. Тем самым была ослаблена социальная напряженность, предупреждены серьезные общественные потрясения и революции. Было положено начало содействию политике мира, ныне приносящей свои плоды. В процессе перестройки в СССР марксизм способствует демократическому принятию решений — действенному средству контроля над политической жизнью. И несмотря на все ошибки и преступления, совершенные во имя социализма сторонниками этой теории, она является первой в истории крупной социально-экономической системой, которая имеет в качестве цели человеческое достоинство каждого и всех.

Необходимо, чтобы социализм достиг равенства, свободы и сотрудничества, предусматриваемых демократией, а демократия — это основной метод реализации ценностей как существующего социализма, так и изменения капиталистических систем.

Конечно же, другие идеологи и социальные силы тоже вносят свой вклад в общие достижения человечества в XX веке. Среди них — прогрессивно либеральные направления, профсоюзное движение, религиозные движения, особенно либеральное и радикальное христианство, а также движения, связанные с какой-либо конкретной проблемой и борющиеся за мир, расовое равенство, за человеческие права, как экономические, так и политические; за права женщин. Разделение обществ на классы является основным препятствием для прогресса. Но и все системы господства монополий — в политике, правовой структуре, религии, средствах массовой информации, в семейной жизни, межличностных отношениях также являются препятствием на этом пути. Они подавляют всякое разнообразие, нововведения, творческий взаимообмен и динамизм, необходимые для развития.

А.В. Дмитриев: Какова Ваша точка зрения относительно глобальной ситуации сегодня?

Г.Л. Парсонс: Непрерывная линия развития организмов и видов идет от впервые появившихся клеток около 3,5 миллиардов лет тому назад и вплоть до представителей человеческого рода *homo sapiens*, живущих ныне на планете и всех других видов современных нам живых существ. Такова была эволюция протоплазмы в пространстве и времени. В течение этой эволюции человеческий род выжил и развился за полмиллиона лет или, может быть, более. Большую часть этого времени наши предки жили как охотники и собиратели. Только около 10 тысяч лет назад земледельческая революция и позже — городская революция — с их избыточным предложением продовольствия, а также средств передвижения и орудий — вызвали увеличение населения, рост городов и крупномасштабное классово: угнетение и бедность. Так, в течение этого короткого периода истории мы вели войну сами с собой, сражаясь друг с другом за контроль над социальной и природной окружающей средой. Генетически мы все одно и то же, социально мы разделены и антагонистичны.

Откликом сознания на конфликты ранних цивилизаций — в Средиземноморском регионе и на Среднем Востоке, а также в Индии и Китае — были философия и популярные религии. После падения Римской империи и культурного распространения христианства возникла новая экономика, проложившая в свою очередь путь появлению светских стран с их отрицанием религиозного правления. Со временем на месте этого отрицания утвердилась наука.

В последние 300 лет экономическая, промышленная и научная революции расширили догородскую аграрную революцию, способствовали росту населения и обострению конфликтов. Больше количество продовольствия — это значит больше людей, больше городов, больше классового антагонизма. Либеральная демократия и социализм были главным идеологическим откликом, направленным на понимание этих изменений и конфликтов и на поиски путей борьбы с ними.

Сегодня мы стоим перед лицом кризиса «жизнь или смерть» — перед потенциальной катастрофой, вызванной совершенствованием ядерного и другого оружия всеобщего уничтожения, массовым голодом, лишениями и смертью, непоправимым неравенством и массовым насилием, ростом заболеваемости и пандемиями, экологической деградацией и угасанием жизни на планете. Если нам не удастся решить эти проблемы, долговечное путешествие нашего человеческого рода может закончиться необратимо: деградировать или жить далее в изолированных регионах разрушенного и по большей части необитаемого земного шара.

Объективное и ныне попираемое требование — это единство мысли, цели и практики. Поборники прошлых идеологий должны найти путь к обоюдному единству, новому способу мышления, более соответствующему новым всеобщим и продуктивным условиям. Возможно ли такое единство?

Человеческий род — это единое протоплазмическое целое в том смысле, что каждый индивид закодирован в идентичной генетической модели, связывающей его с другими во времени и пространстве. Воспроизводство связывает индивидов во времени. Генетическая идентичность предоставляет материальные механизмы взаимозависимости пространственного взаимодействия: признание своей собственной доброты¹, сочувствие, общение как языковое, так и неязыковое, и взаимодействие, и союз полов, и семья, и жизнь общности. Такая взаимосвязь в прошлом соответствовала потребностям малых общностей. Но сегодня новые и более сложные планетарные условия. Районы, города, регионы и страны с их конфликтующими обычаями, ценностями и идеологиями должны конструктивным образом координироваться в глобальной общности и в соответствии с природной экологией. «Социальный ум» вместе с расширившимся планетарным сознанием должны блестяще продолжить то, что создали гены и коммуникативная культура. Принадлежа к различным органичным языковым общностям и традициям, мы должны выйти за их рамки и обратиться к анализу систем, к социальному планированию, новым формам взаимообмена между все увеличивающимся числом людей и новыми глобальными отношениями.

Так, ведущие идеологии, возникшие и сложившиеся в прошлом — индуизм, буддизм, конфуцианство, даоизм, иудаизм, христианство, ислам, либерализм, национализм, капитализм, социализм и другие — сейчас находятся перед выбором: 1) взаимодействовать честно, ответственно и совместно с людьми других, отличных от собственных вероисповеданий перед лицом общих опасностей; учиться друг у друга; 2) каждому стремиться честно понять ценности другого, сотрудничать, чтобы осуществить эти ценности в нашем общем мире.

Прежние категории соперничающих идеологий должны быть подвергнуты переоценке. Скорее всего, в процессе глубокого взаимообмена появится некая идеология и новые приверженности, люди встанут над старыми разногласиями. В принципе, она должна быть всемирной и универсальной, адекватной природе, а также ценностям человеческой личности и общества, и применимой для решения наших общих проблем.

В подобном творческом процессе найдется место и старым взглядам. Например, гуманистические ценности многих религий, такие, как любовь и мир, и либеральной демократии, такие, как гражданские права, очевидно, останутся, хотя и в обновленном, усовершенствованном виде. Марксистские истины относительно классов, борьбы и эксплуатации все еще значимы в ближайшие годы, так я думаю, но по-другому. И первейшей заботой должны стать коллективные усилия спасти человечество на планете для жизни и осуществления своего предназначения.

¹ Признание своей собственной доброты — эту фразу можно перевести по-другому: признание (опознание) своего собственного вида (вида). (Примеч. переводчика).

Ведущим методом в этом процессе должен стать творческий взаимообмен между различными людьми и различными группами. Парадигму или аналогию можно видеть в генетическом творчестве взаимообмена, произведенного одним-единственным человеческим организмом из 60 миллионов клеток. Это — одна объединенная колония, члены которой видоизменили свою индивидуальность для своего собственного выживания и выживания общего организма. Конечно, нам надо пройти долгий путь, прежде чем мы создадим планетарную человеческую колонию, имеющую хотя бы отдаленное сходство с подобными типами и степенью интеграции отдельных индивидов. Но таковы путь нашей жизни и судьба — создание Одного из разнообразных Многих. Мы должны родиться снова — на уровне сверхбиологическом и сверхнациональном. Как заметил Маркс, мы должны войти в реальную историю.

Фукияма наивно утверждает, что конец истории заключается в триумфе либерализма с его идеалами равенства и свободы. Сформулированный молодым японо-американцем, все более известным, тезис этот является частью провокацией, частью — исполнением желаемого. Закончились ли марксизм и классовые конфликты? Является ли либерализм победоносным?

а) Политические хозяйственные системы, характеризующиеся лояльностью к либерализму, охватывают лишь небольшую часть населения Земли. Из 80 миллионов людей, которые рождаются ежегодно, 90% живут в бедных странах, потому что они — нео-неоколониалистские жертвы капитализма или, подобно Индии или Китаю, были такими жертвами в прошлом. Для них либерализм — отдаленная мечта;

б) Либеральные хозяйственные системы, подобные той, что существует в США, очень далеки от осуществления идеалов равенства и свободы. 20 миллионов людей в США голодают, а 10% самой верхушки владеют 86% всего богатства;

в) Марксизм с его социалистическими идеалами — все еще могущественный фактор в делах мира и останется таковым, как государственная идеология в нынешних и будущих социалистических странах, как пересмотренная и вновь примененная идеология в бывших социалистических странах, как критическая сила левых в развитых капиталистических странах и как революционная сила в развивающихся странах Латинской Америки, Африки и Азии.

Причина жизнестойкости социализма, как мне кажется, глубоко кроется в нашей ситуации. Социализм в современную эпоху был в первую очередь носителем революционной миссии, в то время как в прошлом другие идеологи лишь предваряли его в этом отношении. И неважно, исходит ли эта миссия от марксизма или ее носителями являются джефферсонская демократия, христианство, анархизм. В этом выражается человеческая потребность в социальной справедливости.

Требование справедливости — родовое требование человеческих существ, и марксизм как наиболее распространенная и эффективная идеология революции обращается к этому требованию, мобилизуя людей на социальную борьбу. Под революцией здесь я имею в виду действительное ниспровержение эксплуататорских систем, а не построение революции, которое с необходимостью следует за этим свержением.

Многие люди в Советском Союзе сейчас задаются вопросом, можно ли все преступления, массовые жестокости и неэффективность социалистической системы исправить социалистическими идеалами? Точно также можно спросить, оправданы ли связанные с христианством и с демократией жертвы? Стоит ли сохранять христианские и демократические идеалы?

Моя собственная точка зрения состоит в том, что мы должны использовать все то лучшее, что мы унаследовали, каким бы несовершенным оно ни было в теории и на практике. Мы должны извлечь гуманистические жизнеутверждающие элементы в идеологиях, преобразуя их для наших нужд и целей и стремиться реализовать эти идеалы.

Один продолжительный урок, который нам преподает прошлое, если мы действительно хотим учиться, состоит в том, что никогда нельзя сотворить себе идола из какой бы ни было личности или идеологии, или партии, или социальной системы, а следует подвергать все критике и проверке в творческом взаимодействии людей. Христианство предостерегало нас от подобного греха идолопоклонничества и об опасности покушения на человеческие права со стороны деспотов. Томас Джефферсон считал, что революции должны происходить каждые 20 лет.

Нынешний материальный и духовный кризис в странах, которые были социалистическими, не являются знаком того, что сценарий революции потерпел неудачу и более несостоятелен. Далеко не так. Скорее, это знак того, что задача построения истинно социалистического порядка чрезвычайно трудна и сильно отличается от задачи ниспровержения старого режима, требует ревностной работы и нового мышления. Подобно западному христианству во времена Реформации, социализм, чтобы выжить, должен предпринять радикальную и конструктивную самокритику, модернизируя свою теорию и практику и смело создавая новое мышление, применимое к конкретным, плюрализованным, специфическим условиям нашего современного мира.

г) Либерализм — это ограниченный исторический шаг к самоосуществлению человека. Дитя буржуазной экономики и культуры XVIII века, став зрелым, либерализм превратился в XX столетии в слугу могущественного транснационального капитала. Сейчас он пребывает в муках собственных противоречий, провозглашая равенство, свободу и мир и распространяя неравенство, репрессии и насилие. Утверждая главенство человеческих прав, либерализм, однако, не может быть универсальным из-за ограниченной связи с капиталистической системой, для которой требуются богатый класс и бедный класс, бедный должен работать на богатого;

д) Следовательно, либерализм — это, по существу, нестабильная система, которой угрожают с двух сторон: с консервативной и с радикальной. Упадок влияния социализма, будь то в Восточной Европе или в Великобритании, а также незначительная при верженность ему в США, больше говорят не о побеге либерализма, а о доминирующей власти консерватизма — как это ясно на примере правительств М. Тэтчер и Р. Рейгана. Либералы же, не выполнив большую часть своих обязательств, данных людям, уступили под давлением справа. При отсутствии динамичных левых сил либерализм все более становится компромиссным течением и замещается консерватизмом, поскольку экономические силы неравенства сильнее демократических сил равенства. Сила либерализма состоит в том, что он основан на идеалах демократии. В этом смысле он близок социализму, у которого тайно черпает силу. Социализм — это наследник и логический последователь классического либерализма: как показал Маркс, если строить демократию для всех и для каждого, то суверенным людям следует владеть своим собственным производством и распределением и контролировать его. Демократии требуется социализм. Таким образом, социализм, как естественный оппонент и творческий продолжитель либерализма, осуществляет его наиболее полно. Следовательно, ослабление левой оппозиции ослабит и сам либерализм, т.к. его поневоле потянет к реакции. В этом смысле то, что Фукияма назвал победой либерализма, на деле является победой консерватизма с помощью либералов.

Теперь, когда этот консерватизм возобладал в СССР, может оказаться, что прогрессивное будущее страны зависит от сильного альянса социалистических и либеральных сил;

е) Идеологии приходит конец? Может показаться и так. Этот сдвиг в мышлении отражает сдвиг в социальных реальностях мира — от духовного мировоззрения к материалистическому, от монизма к плюрализму, от всеобщностей к частностям. В этом смысле век идеологии закончен. Духовная, религиозная идеология в традиционном виде уже шла на убыль, когда Маркс и Энгельс показали, что философия Гегеля содержит свое собственное отрицание, если применяется к реальному миру.

И все же нам кажется, что идеология и человек взаимосвязаны. Концептуальная склейка, которая скрепляет вместе различных людей в обществе, состоит из разделенных общих представлений о ценностях, обязанностях, обществе, природе и человеческой судьбе, т.е. об идеологии. В этом смысле идеология неизбежна. Но идеология, необходимая для того, чтобы новый мир вошел в свое существование, еще не сформировалась. Она еще только начинается в экспериментах по синтезированию по-новому мыслей множества идеологических традиций.

А.В. Дмитриев: Какие конфликты между классами, слоями и идеологиями существуют сегодня в США?

Г.Л. Парсонс: Более 90% американцев придерживаются христианской идеологии. Вплоть до 1960-х годов это был повсеместно разделяемый набор верований, узаконивающих

ценность капиталистической и полудемократической культуры — индивидуальная свобода, независимость, традиционная семья, социальная ответственность, добровольные объединения, плюрализм, веротерпимость, бережливость, умеренность, консервативный стиль жизни и социальная справедливость. Потом произошли социальные взрывы 1960-х годов — выступления против ядерных испытаний, кризис, связанный с ядерными ракетами на Кубе, II Ватиканский Собор, демонстрации за гражданские права, массовые беспорядки в городах, убийство братьев Кеннеди и Мартина Лютера Кинга, массовая оппозиция вьетнамской войне и уотергейтский скандал. Фрустрация и неразбериха повернули молодежь, да и многих других, против традиционных ценностей, таких, как патриотизм, капитализм, религия и семья. Начала проявляться «контркультура». Последовала консервативная реакция. В результате сейчас религиозная и политическая идеологии раскололись на правое крыло — консервативные протестанты, умеренных (и протестанты, и католики), либеральных протестантов, а также на иудеев и секуляристов, которые представляют целый спектр точек зрения по вопросам личной морали (сексуальный выбор) и социальным проблемам — гражданские свободы и разоружение. Подобные изменения отражают размывание старых предписывающих приверженностей — классу, расе, национальному происхождению и региону. Религиозные конфликты также коррелируются с конфликтами между социальными группами. Здесь я суммирую выводы, сделанные в книге Уэйда Кларка Руфа, и выводы, сделанные в книге Уильяма Маккинея «Американская главная религия. Бе меняющиеся формы и будущее» [1].

Сейчас начинается расовый конфликт между различными группами — белыми, черными, латиноамериканцами, азиатами и коренными американцами. Что же касается экономики, то углубляющаяся бедность и несправедливость рейгановских лет с их доминирующим политико-религиозным консерватизмом, объединяющим как богатые классы, так и классы бедных белых, вызвали к жизни прогрессивное контрдвижение — «Коалиция Радуга» (Рейнбоу Коалиция), возглавляемое Джесси Джексоном и состоящее из черных, из бедной части средних слоев и таких же белых. По мере ухудшения экономики эти социальные и идеологические конфликты будут усиливаться. Обострение конфликтов может привести к насилию или к давлению правых, либо к важному политическому сдвигу, который принесет социально-демократический прогресс, подобно тому, что был вызван новым политическим курсом 1930-х годов.

А.В. Дмитриев: Что, по Вашему мнению, ждет • будущем христиан и марксистов? Г.Л. Парсонс: Со времени *aggiornamento* (обновление) II Ватиканского Собора, которое иезуит Карл Рахнер назвал самой важной трансформацией в истории Церкви со времен преобразования иудейской секты в европоцентристскую во II столетии н.э. — романо-католическая ветвь христианства открыла свое мышление и деятельность реалиям и проблемам современного мира. Она восприняла самокритику и диалог с другими христианами и нехристианами, включая и марксистов. Со времен протестантской Реформации Церковь не претерпевала таких изменений. Результатом этого в США явились драматическая плюрализация моральной теологии, широкое разнообразие толкований и дебатов на моральные темы типа справедливости войны, вопросов медицинской этики и женских ролей. Новая свобода вызвала целое половодье политической активности со стороны духовенства и мирян в борьбе против вооружения и войны, против зарубежных военных интервенций США, несправедливости по отношению к представителям других рас и женщинам, против давления, оказываемого США в Латинской Америке, Африке и Азии. Протестанты и иудеи объединились в таких видах деятельности протеста, большая часть которых снискала поддержку в официальных заявлениях католической церкви и основных протестантских направлений. В этой деятельности почти не существует (а если и существует, то очень мало) барьеров — классовых, возрастных или идеологических, чтобы создавать коалиции для достижения (прагматическим образом, с взаимной терпимостью) целей, признанных хорошими для демократического образа жизни.

В США христианство доказало, что оно является очень прочной идеологией, формой культа и социальным институтом, полностью интегрировавшимся с культурой в течение почти 400 лет. Для эффективного решения проблем экономики и культуры марксисты Должны найти пути взаимодействия и совместной работы с христианами по национальным

и глобальным проблемам. Это означает идентификацию общечеловеческих ценностей, целей и стратегий, а также объединение в совместных практических политических проектах. Их совместный опыт в работе, направленной на достижение солидарности, мира и справедливости, показывает, что такое практическое единство вероятно и может быть эффективным.

Подтверждением целесообразности такой работы стала Латинская Америка. Там теология освобождения и коалиции марксистов и христиан продемонстрировали, что и те, и другие могут во многом дополнять друг друга во имя общечеловеческого дела освобождения от эксплуатации социальной справедливости и осуществления своего предназначения.

В СССР, на мой взгляд, нынешний кризис призывает к новому мышлению как среди марксистов, так и среди христиан в отношении природы нового общества, которое предстоит создать в условиях перестройки — его ценностей, индивидуальных ролей, человеческих отношений и институтов, необходимых гуманистическому обществу. В свою очередь, эта задача требует со стороны обеих сторон самокритики, переоценки прошлой и нынешней деятельности с их ценностями и тем, что осуждается. Требуется серьезный диалог с другой стороны, откровенный и открытый, честный, утверждающий взаимопонимание сторон. Следует находить пути интегрирования разных перспектив в одну, свою собственную, даже если она в чем-то и не устраивает одну из сторон, но способствует созданию лучшей для общества точки зрения. Мне кажется, что традиционное отделение верующих людей и религиозных институтов от гражданских дел, длительное равнодушие и враждебность марксистов к религии, отсутствие жизненного взаимодействия, оппозиция, взаимная критика — все это может быть преодолено в творческом диалоге между верующими и марксистами, если дело действительно идет к прогрессу.

А.В. Дмитриев: Что, по Вашему мнению, будет основной задачей советских социологов в предстоящие годы?

Г.Л. Парсонс: В принципе, советские социологи начали свою работу, имея три отличия, а возможно, и преимущества перед своими коллегами из капиталистических стран: 1)они исходят из базовых предпосылок социалистической точки зрения на человеческую жизнь и общество; 2) их теория предполагает ответственность перед своим обществом, а работа, по определению, направлена на конкретные и неотложные проблемы этого общества; 3)у них хорошая подготовка, а метод исследования не отделен резко от других дисциплин и не специализирован.

В это время перестройки — с его имеющими широкие последствия социальными, экономическими, политическими изменениями и распространившейся неуверенностью, тревогой, социальными конфликтами и в националистических, и в религиозных движениях — советские социологи имеют уникальную историческую возможность для выработки более адекватных теорий и создания более эффективного вклада в стабильность и прогресс своего общества. Вот "некоторые направления:

1)Самокритичное изучение деятельности социологов в прошлом — в отношении к КПСС, государству, бюрократии, классам, регионам, национальностям, различным слоям населения, религиям, основным группам и институтам. Нужна оценка их роли в обществе, которому надлежит появиться, и ее практические последствия. Профессиональная чистота и социальная полезность требуют уяснения и упорядочивания приоритетов в работе. Если благополучие и прогресс являются высшим приоритетом, то что же это означает операционально и каковы последующие задачи социолога?

2)Развитие альтернативных теорий хорошего общества («the good society»), которое должно появиться в процессе перестройки, например, демократическая теория, т.е. концепция структур и функций нового гуманистического социального порядка; конструктивное обсуждение этих теорий с использованием приемов мозговой атаки и теории игр и т.п.; привлечение публики к участию в обсуждении. Опасность нынешней плюрализации заключается в фрагментации теории и социальной практики, имеющей тенденцию к хаосу. На мой взгляд, советским социологам, особенно в это время, не следует перенимать увлечение американцев количественно неограниченными и эзотерическими специализированными исследованиями.

3)Тщательный анализ и критическая оценка существующих и идеальных образова-

тельных функций социологии в обществе — с точки зрения создания институциональной и государственной политики, пропаганды политики в школах, институтах, университетах, на общественных форумах и в других гражданских институтах типа клубов и библиотек.

4) Проведение исследований по важнейшим социально-экономическим проблемам общества — это бедность, голод, заболеваемость биопсихическая, бездомность, безработица, отчуждение, преступность, наркомания, нежелательная беременность, предрассудки и стереотипы, реальные и потенциальные социальные конфликты.

5) Исследования самых разных положительных и отрицательных сторон человеческой жизни, как это делал Абрахам Маслоу, путем углубленного изучения самоактуализации личности.

6) Извлечение пользы из личных и конкретных методов и проблем, например, в преподавании социологии, социальных исследований, социальной философии студентам и другим. Вовлечение студентов, служащих, рабочих в исследование своей личности, своей семьи и ее истории, соседства, школы, народности, межнациональных ориентаций и конкретной экологии. Вовлечение социологов и студентов-социологов в изучение общности, где используются персональные интервью типа тех, которые упоминаются в работах Стадса Теркела². Такая работа может начаться и привести к проекту исследования общностей, объединяющему множество людей в перестройке их общностей. Социология в этом смысле может стать исследовательско-информационной, обучающе-обучаемой теорией в виде одного непрерывного процесса.

7) Сбор информации о личностных ценностях и способах жизни, например, путем распространения анкет-вопросников в нескольких обществах, как это сказано у Чарльза Мориса, в результате чего появилась книга «Многообразие человеческих ценностей» [2]. Положить это в основу самоанализа, дискуссии и социальной политики. Начинать с рабочих мест и использовать телевидение.

Советским молодым людям сейчас требуются самые разные материалы и бестселлер 1930-х годов Дейла Карнеги «Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей», и Библия. Для собственной пользы и для пользы общества необходимо обсуждать такие материалы, давать критическую оценку, высказываться, чтобы быть услышанными, говорить об изменении своих взглядов на жизнь.

8) Содействие возрождению марксистских исследований. Основы марксистского гуманизма в философии и социологии были неполно поняты, развиты и применимы и в СССР, и повсюду в мире. Сейчас я обнаруживаю среди ваших людей, особенно молодежи, чрезвычайно напряженное отношение к марксизму. Это результат путаницы и неправильного понимания марксизма.

Более широкий подход может оказаться и более обещающим в нынешнем климате, он должен быть применен к общим проблемам гуманизма и изучению его разновидностей, среди которых марксизм — основное течение.

9) Развитие метода личного и общественного диалога между первичными социальными группами и идеологиями. Люди могут быть привержены марксизму, религиозным верованиям: православию, мусульманству с либеральным и правым уклоном, протестантским вероисповеданиям и т.д. В конечном счете все они должны быть вовлечены в цивилизованный диалог, взаимооценку и сотрудничество, чтобы не было разрушительных социальных конфликтов. Открытие границ означает, что группы религиозных проповедников теперь легко смогут въезжать в СССР. Это касается, например, евангелистов, представителей римско-католической церкви и др. Что может противостоять эмоциональному воздействию софистики и ложным ценностям? Высокое образование критически мыслящих людей, умение отличить истину от фальши и знающих, что такое добро, а что — зло.

10) Развитие и углубление международных совместных исследований по социальным проблемам. Идеологии и жизненные стили становятся международными, и это нужно учитывать. Во всем мире люди обычно достигают согласия в отношении таких ценностей, как истина, свободное исследование, достоинство, права человека и сотрудничество; и их профессиональный интерес состоит в том, чтобы культивировать совместные усилия.

² Terkel S.

Более того, они заинтересованы в том, чтобы помогать человечеству избежать насилия, социальных конфликтов и, если возможно, направлять конфликты в мирное и конструктивное русло.

Перевод с английского Л.П. КОСТОМАХИНОЙ

ЛИТЕРАТУРА

1. *Roof W.C., McKinney W.* American main line religion. It's changing shape and future. New Brunswick: Rutgers University press, 1987.
2. *Morris Ch.* Varieties of human value. Chicago: University of Chicago, 1956.